

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА ПУТЕВОГО ОЧЕРКА В АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX в.

Путешествия — это письмо в движении, порождающее образы стран, местностей, проникающие в литературу и изменяющие ее. Литература, в свою очередь, создает жанры и каноны, рамки осознания образов путешествий.

Роль путешествий в русской литературе переоценить невозможно. Посредством литературных произведений (и текстов, ставших таковыми) Россия осознавала и осмысляла огромные, слабо освоенные пространства. «Путешествие», путевой очерк — одна из старейших разновидностей русского очерка, ведущих родословную от древнерусских «хождений». Превосходные образцы этой разновидности очеркового жанра русская литература создает на протяжении своей истории.

Литература «писем» и «путешествий» получила распространение благодаря накоплению нового жизненного содержания, требовавшего своего отражения в литературе. «Путешествие» являлось удобной мотивировкой, но, с другой стороны, на этнографический материал был и читательский спрос.

Образцы литературы «путешествий» можно найти и в творчестве адыгских писателей-просветителей XIX в. Прежде всего, это «Долина Ажитугай» Султана Казы-Гирея и «Путевые заметки» Султана Крым-Гирея (Инагова).

Как известно, очерк «Долина Ажитугай» был опубликован в первом томе журнала «Современник» А. С. Пушкина в 1836 г., факт сам по себе значительный. Более того, А. С. Пушкин написал послесловие к очерку: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой душою смотрит на крест, эту Хоругвь Европы и просвещения» [1].

Определяя жанр произведения «Долина Ажитугай», А. А. Хакуашев совершенно справедливо отмечает: «Если исходить из приемов и принципов изображения жизни в этом произведении, из его структуры и построения, то оно, несмотря на наличие в нем вымысла, является без всяких оговорок путевым очерком, столь широко представленным в русской литературе первой половины XIX в. Это произведение близко... жанру путевого очерка, в котором человек передавал свои впечатления, почерпнутые в путешествиях» [2].

Своеобразно уже название очерка. Еще в начале XIX в. по традиции, идущей от Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, в литературе «путешествий» было принято выделять в заглавии произведения место путешествия, поез-

дки. Эта традиция сохранила свою силу и в русской кавказской очеркстике 20–30-х гг. XIX в. («Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина, анонимная «Поездка в Грузию» и т. д.). Следуя этой традиции, Казы-Гирей называет свой очерк «Долина Ажитугай», давая подзаголовок «За Кубанью, 3 июня 1834-го». Таким образом, он точно указывает место и время описанного путешествия.

В центре внимания автора — родная земля, ее природа. В соответствии с традицией пейзаж является неотъемлемым компонентом путевого очерка. Поэтичность, красота природы раскрывается в связи с образом родной земли, картина природы придается национальный оттенок. Первое, очевидное, что определяет лицо народа, — это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Используются повторяющиеся образы: камня, гор, рек, деревьев, каждый из которых имеет устойчивое психологическое значение для человеческого сознания. Все эти понятия символически взаимосвязаны и могут представлять космос во всей его полноте. По мысли Г. Д. Гачева, «...здесь коренится и образный арсенал литературы, обычно очень стабильный: например, роль гор как мировых координат в искусстве народов Кавказа...» [3]. Трудно найти произведение о Кавказе, где не встречалась бы субстанция гор той или иной формы, размера, качества. Горы — одна из характерных тем творчества русских путешественников по Кавказу. Гора для путешественника — понятие многоплановое. Для него это не только объект творчества, но философия природы. Первоначально доминировавший эмоционально-психологический уровень его восприятия доходит до более глубоких истин, до обобщений и выводов более широкого плана, до философского понимания смысла гор. Гора — вертикаль, связывающая верх и низ, что определяет двойственность представлений о горе, с одной стороны, как о чистом, с другой — как о демоническом локусе. Божественное, светлое начало связано с небесным, а темное и страшное — с подземным царством горы.

Природа определяет и цветовую символику, цветовые эпитеты, придающие красочность и эффектность всей зрительной картине. Изображая прелесть величественной природы Кавказа, Казы-Гирей представляет ее живой, полной динамики. Например, описывая реку, автор отмечает: «Река изливается из чащи, и потом, наполняя свои берега прозрачными волнами, она исчезает из вида, как будто поглощаемая пастью чудовища» [4].

Природа Кавказа превосходит самые совершенные создания высокого искусства: «Очарованный прелестными картинами моей дикой родины, с которою давно не видался, я невольно и в совершенной забывчивости смотрел на нее: так заманчиво и разнообразно она стояла предо мною: я едва верил глазам, что я на Кавказе; мне казалось, будто сижу в креслах петербургского театра, увлекаясь прелестными декорациями волшебной оперы; но кто видел великолепие природы, тот не захочет смотреть на рабское подражание искусства» [5].

Воодушевляя писателя, пробуждая высокие стремления души, природа наводит его и на горькие раздумья о своей судьбе. Чарующие картины

горного пейзажа перемежаются воспоминаниями о беззаботном детстве, прошедшем в родных местах.

Мотив воспоминаний находит отражение и у А. С. Пушкина в его «Путешествии в Арзрум», написанном в то же время, что и «Долина Ажитугай» Казы-Гирея. На протяжении повествования Пушкин все время вспоминает о своих прошлых поездках и, так или иначе, сравнивает свои впечатления с предыдущими. Приехав в Ставрополь, писатель вспоминает свою первую поездку на Кавказ. Определение «те же» к слову «горы» отсылает читателя к первому впечатлению о них. Описание кавказских горячих вод также построено на сопоставлении настоящих впечатлений с прошлыми. Точно так же пытается воскресить картины прошлого, ищет его следы Казы-Гирей в «Долине Ажитугай»: «Все звало меня к прежним забавам юношества... И там повсюду воспоминания толпились в моей памяти...» [6].

Таким образом, природа в очерке Казы-Гирея важна не сама по себе, а теми мыслями и чувствами, которые она пробуждает. Автор хорошо понимает, что нужны не только описания, но и его впечатления об увиденном. Описания родного края переплетаются с раздумьями автора о судьбе своей земли, своего народа, его будущем и настоящем. И в сказочную идиллию, созданную автором, властно вторгается действительность. Казы-Гирей живо отзывается на нынешние социальные проблемы своего края, открыто говорит о невзгодах своей родины. Причиной всего он считает войну, уничтожающую все богатства. Представив читателю прелестную зарисовку долины, автор тут же замечает: «...и тут в 1815 г. была кровопролитная битва между горцами и русскими» [7]. Казы-Гирей точно так же, как и Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум», создает контрастную картину прекрасной земли, полной богатств, и разрушений, принесенных войной. Новые приметы времени, следы «губительной войны» автор встречает повсюду. Через пейзажные зарисовки Казы-Гирей постоянно напоминает о трагическом настоящем своего народа: «Прекрасный июньский вечер очаровал мои взоры, и чувства снова возвратились к природе. Последние лучи дневного светила спорили с сиянием русского штыка, как будто желая помрачить его победоносную славу... Наконец и на этот раз, как всегда, он победил соперника. Солнце, нисходя, скрылось за горою; а штык все еще светился пред моими глазами; но оно спряталось только от моих взоров, не сводя впрочем своих пламенных лучей с вершин снежных громад величественной природы очаровательного Кавказа, которых девственные снега, как бы пристыженные нескромными лучами, загорались румянцем блистательного заката» [8].

Казы-Гирей ищет пути выхода из создавшегося положения своего народа. Нужно отметить, что ситуация на Кавказе, способы решения кавказской проблематики волновали передовые умы того времени. Неоднократно эту проблему затрагивает в своем творчестве А. С. Пушкин. Особенно открыто он говорит об этом в «Путешествии в Арзрум». Отмечая, что черкесы ненавидят русских, он вполне логично объясняет причины этой ненависти: «Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» [9]. Писатель размышляет о последствиях этой политики: «Они

час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна; они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам... Здешняя сторона полна молвой об их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение» [10].

Пушкин, задаваясь вопросом, где же выход, убежден, что нельзя действовать оружием, нужно сближать горцев с Россией мирными способами. Просвещение, культура, торговля и «христианские миссионеры», т. е. христианская религия — вот что может благоприятствовать сближению горских народов и России. Пушкину близок автор «Долины Ажитугай», тоже готовый представить тысячу планов для преобразования своего края. Изображая пейзаж, Казы-Гирей с волнением пишет о памятнике, гранитном столбе, который величаво и гордо стоял в родном ущелье, напоминая о страницах истории адыгов, в прежние времена обитавших на этих местах. Автор соотносит свою судьбу с судьбой одинокого старика, как он называет памятник, также отторгнутого от своих близких.

С очень ранних времен люди пытались выразить то, что считали душой или духом камня, придавая ему определенную форму. Во многих случаях эта форма более или менее точно повторяла человеческие черты. Таковы древние каменные могилы. Придание камню черт живых существ следует понимать как проецирование на него подсознания того или иного человека. Герой размышляет о бренности всего живого, о цели жизни и предназначении человека на земле. Блуждания в смысловых лабиринтах самости нашли свое предметное воплощение в символе-вещи — надгробном памятнике.

Этот образ помогает понять, в чем видит писатель средство разрешения национальных распрей: «Безобразный старик стоял угрюмо, нагнувшись к западу, бог знает для какой причины. Его мрачное чело было осенено грубоиссеченным крестом, этою хоругвию Европы и просвещения... Может быть, это знак торжества веры или победы...» [11].

Встреча с гранитным столпом пробуждает в авторе мысли о том, что среди адыгов нет ученых, которые бы изучили и описали богатейшую историю своего народа, отсюда и незнание своего исторического прошлого.

Таким образом, перед нами предстает образ путешественника, близкий самому автору, человеку, озабоченному состоянием своей родины и своего народа. По некоторым замечаниям, содержащимся в тексте, можно кое-что узнать об авторе. Это человек, офицер, по всей вероятности, образованный, он служил в русской армии, бывал в столице, посещал театры, слушал оперу. Автор в совершенстве владеет русским литературным языком, знаком с русской литературой и историей. Например, он цитирует полководца А. В. Суворова, поэта К. Батюшкова. Язык очерка «Долина Ажитугай» пересыпан русскими поговорками и крылатыми выражениями. Как отмечает А. А. Хакуашев в своем исследовании [12], по своим стилистическим признакам

очерк Казы-Гирея примыкает к романтической школе. Все конкретные вещи, места, факты даются через субъективное восприятие автора. Писатель увлеченно наслаждается гармонией природы, красотой пейзажа. Отсюда та приподнятость и эмоционально-лирический характер стиля, что отличают пейзажные картины романтической прозы. Все впечатления и чувства автора раскрываются средствами романтической поэтики.

Образцом другого типа литературных «путешествий» являются «Путевые заметки» Султана Крым-Гирея (Инатова), опубликованные в № 20–21, 24 газеты «Кубанские войсковые ведомости» в 1866 г.

Необходимо вспомнить, что еще в 1817 г. А. С. Пушкин начал серьезно задумываться над особенностями очеркового жанра, в частности «путешествия». По свидетельству П. В. Анненкова, лицейский товарищ поэта Ф. Ф. Матюшкин получил от Пушкина при первом своем отправлении вокруг света, длинные наставления, как вести журнал путешествия. Пушкин долго разъяснял ему настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы. Таким образом, уже в 1817 г. Пушкин выступил против свойственного авторам путешествий сентиментального и романтического направлений излишнего разбора впечатлений, самоанализа и считал главным объектом внимания писателя-путешественника коренное население и природные особенности описываемого края. Эти теоретические принципы были использованы писателем при создании «Путешествия в Арзрум», поражающего своей исключительной конкретностью материала, простотой, ясностью и точностью языка. Взгляды Пушкина на задачи путевого очерка близки точке зрения декабристов на литературу «путешествий». Вместо обычного «сентиментального путешествия» декабристы выдвинули «путешествие» по родному краю с целью изучения нравов и обычаев, отражающих национальные черты народа. В декабристских «путешествиях» (Н. И. Муравьева-Апостола, Н. Бестужева, В. Кюхельбекера, Ф. Глинки, М. Ф. Орлова и др.) появляется думающий и рассуждающий о своем народе путешественник, своеобразный исследователь, художник, публицист, ставящий перед собой задачу исторического и социально-экономического обозрения своего края. Этнографические подробности становятся средством воссоздания своеобразия национальной жизни.

Все эти особенности жанра были учтены Крым-Гиреем при создании своих «Путевых заметок». Следует заметить, что ко времени написания этого произведения (1866) жанр «путешествий», теряя некоторые характерные литературные черты, приходит к типу путевых заметок полубеллетристического характера, каковыми являются в 30–50-х гг. путевые записки Греча, Погодина и др.

В своем произведении Крым-Гирей продолжает традиции очеркового творчества А. С. Пушкина и А. А. Бестужева-Марлинского. Известно, что в «Путешествии в Арзрум» Пушкина использован композиционный «прием возвращения», иначе называемый «кольцевой композицией». Марлинский

в своих путевых очерках также использует этот прием, но поскольку его «путешествие» состоит из отдельных озаглавленных очерков, то конец каждого из них гармонирует с началом следующего.

Аналогичный прием «кольцевой композиции» мы видим в «Путевых заметках» Крым-Гирея. Автор, «наскуча однообразной жизнью в доме... родных... решил отправиться в октябре 1862 г. путешествовать по земле натухайцев» [13]. Заканчиваются же «Путевые заметки» возвращением в то место, откуда он уехал — в дом родителей.

Специфической особенностью очерка, по сравнению с другими жанрами, является то, что вымысел в нем имеет гораздо меньший удельный вес. Это предопределило дневниковую точность «Путевых заметок», в которых зафиксировано только виденное и пережитое. Крым-Гирей описывает даже такие, казалось бы, малозначительные детали, как элементы материальной культуры: жилище, пищу, одежду. Это дается автором для более близкого ознакомления читателя с местным населением. Подобной цели подчинено и описание обрядов и обычаев адыгов. Наиболее подробно и конкретно изображены три основных, определяющих жизнь каждого человека обряда: празднование дня окончания жатвы, свадебный и похоронный ритуалы.

Интересно отметить, что многие обряды горцев увиденны как будто глазами не их соотечественника, а совершенно чужого им, незнакомого с их обычаями человека.

В своих «Путевых заметках» автор касается и таких важных обычаев и обрядов, характерных для адыгов, как обычаи устраивать праздник, увеселение по поводу рождения ребенка, а также по поводу болезни человека, пытаясь развлечь его и отвлечь от страданий.

Большое внимание в своем произведении Крым-Гирей уделяет и общественным установлениям адыгов, отмечая господство у них адата, местного, веками освященного обычая, который «так укоренился в горах, что, не будь таких строгих проповедников шариата, как Хаджи-Магомед или Магмет-Амин, черкесы с ним еще не скоро расстались бы в некоторых случаях» [14]. Писатель считает горский шариат «оригиналом в своем роде», так как он составлялся у закубанцев из двух элементов: положений Корана и местных обычаев.

Крым-Гирей в «Путевых заметках» касается и такой важной стороны общественного быта адыгов, как воспитание, в котором важное место занимает аталычество. Автор пытается обосновать наличие этого обычая: «Аталык и его жена (нянька) через воспитание детей знатных фамилий входили в родство с последними, обоюдная дружба их переходила из поколения в поколение: ни время, ни люди не могли уничтожить ее» [15].

В традициях литературы «путешествий», характерной чертой которых является описание автором неизвестных прежде ему и читателям земель, народов, повествование об их нравах и обычаях, Крым-Гирей, оторванный с детства от родных мест, привычного образа жизни, во многих вопросах общественного быта народа несведущ. Автор смотрит на все как иностранец. Он видит окружающую жизнь, быт, нравы черкесов глазами европей-

ского проводника по Кавказу. Основной чертой путевого очерка является непосредственное общение автора с описываемыми людьми. В «Путевых заметках» горская жизнь представлена в «повседневности», но не принижена до натурализма.

Таким образом, «Долина Ажитугай» Казы-Гирея и «Путевые заметки» Крым-Гирея — образцы существовавших в русской литературе двух основных типов жанра «путешествия».

Примечания

1. Пушкин А. С. Статьи и заметки // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 15 т. М., 1998. Т. 10. С. 131.
2. Хакуашев А. А. Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 136.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1988. С. 47.
4. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избр. произв. Краснодар, 1986. С. 205.
5. Там же. С. 204.
6. Там же. С. 201.
7. Там же. С. 203.
8. Там же. С. 204.
9. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. С. 258.
10. Там же.
11. Адыгские писатели-просветители XIX века. С. 208.
12. Хакуашев А. А. Указ. соч. С. 142.
13. Адыгские писатели-просветители XIX века. С. 372.
14. Там же. С. 382.
15. Там же. С. 383.

© Четвертных Е. А.
г. Екатеринбург

ЖАНРОВЫЙ ДИАПАЗОН ЭЛИЗИЙСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Элизийский текст начинает формироваться в первой трети XIX в. В это время заимствованный из античной мифологии образ Элизинума (Елисейских полей) включается в новый для себя поэтический контекст и благодаря этому приобретает смыслы, не свойственные ему ранее. Наиболее существенным в указанный период становится *жанровый* контекст. Греческий Элизинум был своеобразным аналогом рая, а потому репрезентировал гармоническое мироощущение. Располагаясь в царстве мертвых, Элизий отрицал саму смерть, подменяя ее бессмертием. Соответственно наиболее востребованным образ Элизинума оказался в тех жанрах, которые стремились снять или преодолеть противоречия бытия, — в дружеском послании, идиллии.

Особую роль Элизинум играет в дружеском послании 1810-х и начала 1820-х гг. М. Н. Виролайнен в своей работе «Две чаши» рассматривает характерный для послания мотив пира и смерти на пиру, среди друзей, восходящий к диалогам Платона «Пир» и «Федон». У Батюшкова эта осо-